

9 МАР 1982

Театр

АЛЕКСАНДР КАЛЯГИН: ОБРАЗЫ И ВРЕМЯ

Если вы увидите его в толпе, он затеряется. Вряд ли вы узнаете в нем того Александра Калягина, который нынче стал так популярен. Ничего специфически актерского, так, рядовой служащий — скромный бухгалтер, врач или учитель, который торопится к своему столу, к своим больным, к своим ученикам. Человек, каких много. Если хотите, тот самый «не актер», какими были когда-то Щепкин или Москвин.

Собственно, таким «незаметным» Калягин был всегда. И когда после школы бегал в фельдшерское училище, работал на «скорой помощи», и когда входил в клуб медработников, где существовал любительский «театр чтеца», и когда пытался поступить в Щукинское училище. Поначалу его туда не приняли: помилуйте, ни роста, ни внешности, ни голоса. Он казался явным нарушением привычного актерского стереотипа.

Так было и позже, когда, окончив Театральное училище имени Б. В. Щукина, молодой актер переходил из одного коллектива в другой — из Театра на Таганке — в ермоловский, из «Современника» — во МХАТ, нигде себя не находя. Что он человек способный, всем было ясно, но что он может играть, кого заменять, кого дублировать? Никого. Вот так и началась его вроде бы незадачившаяся актерская судьба, каких много: эпизоды, случайные роли в театре и кино.

Впервые его заметили в гоголевских «Записках сумасшедшего», что шли в фойе Театра имени М. Н. Ермоловой. Час сорок минут играл Калягин Поприщина. Это было чтение-игра, в которой сквозь видимый смех и невидимые миру слезы рождалась новая фантастическая реальность.

Открытие, признание пришли к Александру Калягину в чеховском фильме «Неоконченная пьеса для механического пианино». Образ Платонова стал, по существу, рождением такого понятия, как «актер Калягин».

Никита Михалков точно угадал, что в этой роли нужен не привычный киногерой, а вот такой «неактер», смешной и трагедийный одновременно.

Он был очень смешон и жалок, этот несостоявшийся русский Гамлет, добрый и озлобленный, трезвый и безумный, влюбляющий в себя провинциальных дам и казнящий себя безжалостно. Прыгая с обрыва, чтобы утопиться, он брел потом, как мокрая курица, по колесу в воде под прекрасную музыку и утешительные слова о прекрасном будущем, которое для него не наступит никогда.

Вот тут и выяснилось, что Калягин может все. Может играть и буффонную комедию, и глубочайшую драму, может весело лицедействовать в уморительном фарсе, а может и философски мудро мыслить на сцене, совершать смелые эксцентрические трюки и быть безысходно трагичным.

Сегодня он с саркастическими изощренным юмором читает по телевидению Рабле и мгновенно перевоплощается в Гаргантюа и Пантагрюэля, играет в водевиле с переодеванием тетку Чарлея, а завтра становится воплощенной добротой в роли толстовского Карла Ивановича или появляется на сцене МХАТа в об-

разе мольеровского Оргона, наивно верящего в непогрешимую святость Тартюфа.

Калягин — актер особой, специфически русской школы сценического искусства, в которой высокий сплав трагедии и комедии высекает искру истинного гуманизма, сердечности, защиты человека и человечности. Вот почему он так превосходно играет в спектакле «Мы, нижеподписавшиеся», где его герой как раз и переживает слом, неожиданный перепад из комедии в трагедию, когда в душе ловкого оборотистого «порученца» вдруг начинают звучать неожиданные для него самого драматические ноты правдоискателя. И даже в потешном сатирическом персонаже под фамилией Полуорлов в родинской пьесе «Старый Новый год», над которым зритель смеется до упаду, Калягин под конец приоткрывает тему шмятшей человеческой боли.

Вряд ли можно назвать Калягина на сцене лириком, актером, склонным к «самовыражению». Точнее будет сказать, что он — артист «характерный» в том смысле, какой придавал этому слову Станиславский. Без плотного грима, без париков и накладок, без усиленного внешнего перевоплощения Калягин способен к такому внутреннему перевоплощению, которое вбирает в себя все богатство человеческого характера. И тут он всегда идет к утверждению правды своего героя с высшей мерой одержимости.

Кажется, что сегодня

границ, преград для актерского дарования Калягина не существует. Это не значит, что ему удаются все роли без разбора. Наверное, он менее интересен там, где видит человека безвольного, слоняющегося по жизни без истинного воодушевления, как чеховский Тригорин в «Чайке» или горьковский Шалимов в «Дачниках», которые скорее подчиняются обстоятельствам, чем идут им навстречу.

Но там, когда от человека требуется предел напряжения, актер поднимается к моменту истины. Именно это произошло в последней мхатовской премьере с участием Калягина: в спектакле «Так победили!» он выходит на сцену Художественного театра, чтобы подняться до создания образа Владимира Ильича Ленина в трагическую минуту его жизни.

Одержимость воли, веры, действия, необходимость идти, даже ценой жизни, наперекор событиям — вот что актер должен был показать и показал в этой работе. И не просто сыграл, но прожил на глазах зрителей события последнего года жизни Ленина.

Это сценическое создание — подлинный творческий взлет артиста. В свои сорок лет Александр Александрович Калягин стал сегодня большим художником, личностью, которого выражает лучшие черты русской школы современного сценического искусства.

М. СТРОЕВА,
доктор искусствоведения.